

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.10>

UDC 81'37:26-246/-247

LBC 81.053.1

Submitted: 15.01.2026

Accepted: 20.03.2026

LEXICAL MEANS OF DESCRIBING MIRACLES IN HAGIOGRAPHIES OF ZOSIMAS AND SABBATIUS OF SOLOVKI

Evgeniya G. Dmitrieva

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Irina A. Safonova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article features linguistic means used for describing the miracles of saints in hagiographic texts. The study focuses on lexical units with the semantics of perception and emotion, exemplified by hagiographic texts depicting the lives of *Zosimas and Sabbatius of Solovki*. It is revealed, that the accounts of miracles employ the verbs of visual and auditory perception: the verbs of visual perception are necessary for confirming the occurrence of a miracle by describing its observation, while the verbs of auditory perception are required for proving the instance of a miracle through eyewitnesses' accounts or the perception of scent. Emotive vocabulary is noted to serve as a constitutive element of a hagiographic narrative, fulfilling didactic, plot-forming, and text-structuring functions: by means of emotive vocabulary the normative models of godliness are transmitted, crisis situations and their miraculous resolutions are marked, the ethical and semantic structures of the narrative are produced. The study identifies some patterns of interaction between perceptual and emotive vocabulary in the descriptions of miracles. Particular attention is paid to the way these lexical units legitimate the miracle, lend it credibility, and integrate it into a system of religious senses. The analysis of the lexical units with semantics of perception and emotions has enabled the authors to describe the dominant mechanism in the poetics of hagiographic miracle narratives. It reveals the ways in which the sacred was linguistically conceptualized in medieval culture.

Key words: perceptual vocabulary, emotive vocabulary, lexical semantics, functioning, hagiographic text, genre, miracles of saints.

Citation. Dmitrieva E.G., Safonova I.A. Lexical Means of Describing Miracles in Hagiographies of Zosimas and Sabbatius of Solovki. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 2, pp. 118-136. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.10>

УДК 81'37:26-246/-247

ББК 81.053.1

Дата поступления статьи: 15.01.2026

Дата принятия статьи: 20.03.2026

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОПИСАНИЯ ЧУДЕС В ЖИТИИ ЗОСИМЫ И САВВАТИЯ СОЛОВЕЦКИХ

Евгения Геннадьевна Дмитриева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Ирина Александровна Сафонова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье охарактеризованы языковые средства описания чудес святых в житийном тексте. Объект изучения составили лексические единицы с семантикой восприятия и эмоций. Исследование проведено на материале Жития Зосимы и Савватия Соловецких. Показано, что в рассказах о чудесах использованы глаголы зрительного и слухового восприятия: глаголы зрительной перцепции необходимы для подтверждения факта чуда через описание его созерцания, глаголы слуховой перцепции – для свидетельствования чуда через

рассказы людей или восприятие запаха. Выявлено, что эмотивная лексика выступает системообразующим элементом агиографического нарратива и реализует дидактическую, сюжетоформирующую и текстообразующую функции: с помощью эмотивной лексики транслируются нормативные модели благочестия, маркируются кризисные ситуации и их чудесное разрешение, выстраиваются этическая и смысловая структуры повествования. Определены модели взаимодействия перцептивной и эмотивной лексики в описаниях чудес. Особое внимание уделено тому, как данные единицы легитимируют чудо, придают ему достоверность и встраивают его в систему религиозных смыслов. Результаты анализа лексики восприятия и эмоций позволили охарактеризовать ключевой механизм поэтики житийного рассказа о чуде, раскрывающий способы языковой концептуализации сакрального в средневековой культуре.

Ключевые слова: перцептивная лексика, эмотивная лексика, лексическая семантика, функционирование, житийный текст, жанр, чудеса святых.

Цитирование. Дмитриева Е. Г., Сафонова И. А. Лексические средства описания чудес в Житии Зосимы и Савватия Соловецких // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 118–136. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.10>

Нашему Учителю посвящается

Введение

Феномен чуда, традиционно относящийся к религиозной и философской сферам, изучается в филологии с разных точек зрения: в рамках литературоведения – как жанр и элемент сюжета, организующий нарратив и воплощающий архетипические представления о сверхъестественном (например, в сказках, мифах, религиозных текстах); в лингвосемiotике – как знак, отсылающий к трансцендентному или необычному и наполненный культурно-историческими смыслами; в филологической герменевтике – как смысловой центр текстов, подлежащих интерпретации; в прагмалингвистике – как речевой акт убеждения или воздействия; в когнитивистике – как концепт, ментальная модель, отражающая способы концептуализации необычного в языковой картине мира. Филология раскрывает чудо в качестве не только события, но и текстовой, знаковой и коммуникативной реальности, прослеживая его репрезентацию, интерпретацию и функции в языке и культуре – от древних мифов до современных медиадискурсов.

Описывая представления о чуде, закреплённые в религиозных текстах, исследователи отмечают важность нескольких его составляющих: непосредственно наблюдаемое «разрешение кризиса», «мгновенное преобразование», а также «эффект славы», предполагающий «удивление», «страх, ужас», «прославление» [Бондарь, 2023, с. 48–49]. По мне-

нию В.И. Карасика, в рамках коллективного языкового сознания выделяются три ключевых типа осмысления чуда: экзистенциальный, интерпретирующий чудо как знак божественного присутствия в мире; когнитивный, характеризующийся восприятием чуда как феномена, не поддающегося рациональному объяснению; адмиративный, сопровождающийся эмоциональной реакцией – удивлением и восхищением от созерцания чуда [Карасик, 2017, с. 32].

Чудо было неотъемлемой частью средневекового миропонимания: именно через него ярче всего проявлялась вера в то, что граница между земным и потусторонним мирами условна и проницаема. Средневековый человек жил не в «одном» мире: рядом с привычными для него живыми существами и предметами действовали сверхъестественные силы, рожденные религиозными представлениями и народными поверьями [Гуревич, 1972, с. 8].

Характеризуя различия в восприятии чуда современным и средневековым человеком, Ю.Е. Арнаутова пишет о том, что с позиции современного человека чудо воспринимается как нечто, нарушающее законы природы, но до эпохи схоластического рационализма (XII–XIII вв.) в христианской теологии не существовало противопоставления естественного и сверхъестественного. Опираясь на идеи Августина Блаженного, церковные авторы считали, что природа и чудеса – это творения Господа, а значит, весь космос по своей сути наделен способностью к чудесному. В силу ограниченности своих знаний человек не всегда

способен разглядеть Божественное чудо в обыденных явлениях, например в урожае или смене времен года, хотя эти процессы не менее удивительны, чем библейское умножение пяти хлебов Христом. Чтобы укрепить веру людей, Господь порой меняет привычный ход событий и посылает знаки своего присутствия. В обыденной жизни подлинный теологический смысл чуда (лат. *miraculum*) как Божественного откровения часто теряется. Его подменяет более поверхностное понимание «чудесного» (лат. *mirabilitas*), только как необычного и поразительного, вызывающего восхищение [Арнаутова, 2023, с. 6]. В этом смысле чудо – это не нарушение законов природы, а высшее, предельное исполнение этого закона [Рынковой, 2010, с. 52].

Чудо выступало жанрообразующим элементом ряда средневековых жанров [Смирнова, 2006]. Так, в древнерусских богородичных сказаниях чудом обычно называют либо таинственное событие с участием иконы, либо помощь, дарованную по молитвам перед ней [Садыков, 2024, с. 257–258]. В древнерусской агиографической традиции собственно чудо (событие, помощь и под.) и то содержание (сакральные смыслы), которое оно являет, осмысливались как неразделимое единство. Исследователи отмечают, что акценты при экспликации этого единства могли варьироваться. Когда внимание концентрировалось на самом чудесном действии – его драматизме и неожиданности, описывалось вызываемое им чувство ужаса. Напротив, если фокус смещался в сторону смысла, образов и откровений, заключенных в чудесных видениях, это приводило к тому, что такие эпизоды изображались в радостных, светлых, торжественных тонах [Первушин, Рыженков, 2018, с. 5].

В житийном тексте чудо играет важную роль, выступая ключевым маркером святости, призванным подтвердить духовную силу святого и божественное вмешательство в земные дела. В средневековых житиях чудо являлось неслучайной частью повествования о святом: в сознании людей той поры святой без чудес не мыслился. А.Н. Рыженков указывает, что лишь мученики составляли исключение: их подвиг, по древнему обычаю, не требовал подтверждения дивными знаменами [Рыженков, 2022, с. 3].

Житийные рассказы о чудесах представляют собой особые жанрово-литературные образования, которые могут быть охарактеризованы устойчивыми структурно-содержательными признаками. Так, К. Бондарь определяет контуры модели агиографического повествования о чудесах, выстраивая его как сюжетную цепочку. Сначала рассказчик вводит экспозицию, обозначая место действия и исходную ситуацию. Затем в повествовании возникает кризис. После святой может обратиться с увещаниями, отсылающими к общеизвестному прецеденту – чаще всего из Библии (этот элемент не является обязательным). Далее следует молитва, за которой наступает кульминационный момент – внезапное изменение, то есть собственно чудо. Завершается повествование описанием того, какое действие или воздействие оказало чудо [Бондарь, 2023, с. 57–58].

Принято разграничивать чудеса прижизненные и посмертные. При этом восходящая к библейским текстам традиция изображения чудес первоначально опиралась лишь на прижизненные чудеса, посмертные чудеса являются генетически вторичными.

Как установлено, прижизненные чудеса в русских житийных текстах имеют внутритекстовые параметры: «объект», «ситуация», «субъект», «коммуникация», «чудесное событие», «средство свершения» и «свидетель» чуда (см. об этом, в частности: [Рогожникова, Хоменко, 2020, с. 75; Хоменко, 2024, с. 12]).

Жанр посмертного чуда во всем его многообразии с конкретностью в описании бытовых подробностей, согласно И.В. Стародумову, сложился уже в древнерусской литературе. Исследователь характеризует общую жанрово-композиционную схему, которая лежит в основе всех типов посмертных чудес. Повествование начинается с «протокольной записи», где четко фиксируются обстоятельства чуда: когда, где и с кем оно произошло. Затем раскрывается причина нарушения гармонии – так называемый мотив беды. Далее следует обращение за помощью к святому, после чего происходит вмешательство божественных сил. Кульминацией становится восстановление нарушенного порядка: ситуация возвращается к состоянию гармонии. Завершается рассказ выражением благодар-

ности за оказанную помощь [Стародумов, 2009, с. 10–11].

Анализируя жития новгородских святых, Д.Б. Терешкина отмечает, что чудеса – важный датирующий признак редакции жития – изначально считались вспомогательной частью агиографического произведения, порой выбивающейся из общего контекста. Со временем их роль меняется: чудеса становятся центральными эпизодами житий; фокус смещается с фигуры святого на тех, с кем происходят чудеса; растет число чудес и детализация сведений о них: указываются место, дата (вплоть до дня и месяца), имена, социальное положение и происхождение участников, место жительства исцеленного. Многократное повторение однотипных чудес укрепляет славу святого. По стилю тексты о чудесах развиваются по-разному: приближаются к деловой письменности, сохраняют или развивают художественно-беллетристический стиль, сочетают список чудес с похвалой святому, которая теряет самостоятельное значение [Терешкина, 2023, с. 218].

При этом чудо как феномен выходит за рамки простого «события»: оно сопровождается рядом внешних проявлений, реакций персонажей, изменений в пространстве и состоянии объекта чуда (исцеление, видение, знамение, внезапное спасение и т. д.). Эти «симптомы» не только фиксируют сам факт чуда, но и передают его восприятие, а также эмоциональную реакцию (страх, трепет, изумление, благоговение), что становится важной частью коммуникативного замысла текста.

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных жанровой и тематической структуре житий, языковое воплощение переживания чуда остается малоизученным, между тем именно его исследование дает возможность выявить: лексические маркеры чуда; грамматические средства выражения внезапности и сверхъестественности; образно-выразительные средства, создающие эффект предельности и выхода за границы обыденного; речевые стратегии свидетельства, подчеркивающие достоверность; прагмалингвистические маркеры, оформляющие финал рассказа и эксплицирующие его дидактическую функцию.

Анализ этих средств позволяет не только описать жанровые константы житийного рассказа о чуде, но и проследить эволюцию языкового представления чуда в исторической перспективе (от древнерусских житий к поздним агиографическим текстам), вариативность языковых моделей в зависимости от типа чуда (исцеление, видение, защита, воскрешение и т. д.), способы конструирования убежденности читателя в реальности чуда через текст.

Исследование речевого воплощения характеристик чуда в житийных рассказах значимо для углубленного понимания жанрово-стилистических особенностей агиографии, реконструкции языковой картины мира средневекового человека, выявления универсальных и культурно-специфичных способов вербализации сверхъестественного, развития методик лингвистического анализа религиозных текстов.

Обращение к средствам репрезентации чуда в житийном тексте объединяет достижения лингвистики, литературоведения и семиотики, позволяя раскрыть чудо не только как событие, но и как языковую реальность, организованную по своим законам.

Материал и методы

Источником для отбора языкового материала послужило Житие Зосимы и Савватия Соловецких, имеющее богатую рукописную традицию и являющееся до сих пор малоизученным текстом.

Житие известно в 360 списках 11 редакций, датируемых XVI–XVII вв. и находящихся в разных хранилищах Москвы и Санкт-Петербурга (подробно о редакциях и списках Жития см.: [Минеева, 1999, с. 69–108]). Жития соловецких «начальников», по словам Д.С. Лихачева, «показывают постепенное нарастание требований к литературной “украшенности” житий и интенсивность работы по их литературной отделке» [Лихачев, 1980, с. 13].

Рассматриваемые в статье языковые факты были извлечены из текста Жития в редакции из состава Волоколамского сборника. Долгое время считалось, что эта редакция является первоначальной, созданной в 1503 г. митрополитом Киевским Спиридоном на основе

текста, подготовленного иноком Соловецкого монастыря Досифеем, учеником преп. Зосимы (см., например: [Дмитриева, 1991]). Именно такие сведения представлены в заключительной части текста – «Слове о создании жития основателей монастыря Соловецкого Зосимы и Савватия», написанной, по предположению Р.П. Дмитриевой, самим Досифеем [Дмитриева, 1991, с. 222].

Результаты анализа, проведенного С.В. Минеевой, позволили установить, что Волоколамская редакция Жития не является первоначальной, но представляет собой необычную доработку текста Жития на основе редакции, вошедшей в состав Великих Четых миней. Волоколамская редакция определена исследователем как Первая Дополненная редакция Жития, оставшаяся неизвестной последующим редакторам произведения, а потому сохранившаяся в единственном списке [Минеева, 1999, с. 79–84].

Волоколамская редакция содержит Житие Савватия и Житие Зосимы. Далее в статье мы, в соответствии со сложившейся в науке традицией, будем рассматривать Житие Савватия и Житие Зосимы как один агиографический текст.

Жанр чуда занимает значительное место в Житии. В его биографической части зафиксированы 8 прижизненных чудес и значительное количество посмертных чудес святых, сохранившихся в 67 рассказах по спискам Жития XVI–XVII веков. Описания чудес, в особенности посмертных, характеризуются богатством содержания и значительным тематическим разнообразием [Минеева, 2002, с. 501–602].

В центре нашего внимания находятся описания прижизненных и посмертных чудес соловецких святых. Описания прижизненных чудес входят в состав фрагментов Житий, посвященных жизни, подвигам преподобных, а также основанию и начальному периоду существования Соловецкого монастыря. Рассказы о посмертных чудесах сосредоточены преимущественно в отдельных частях Жития Зосимы и созданы в соответствии с традициями преподобнического жития. В этих частях Зосима, нередко вместе с Савватием, предстает перед теми, кому даровано созерцать незримое или слышать то, что не все могут воспринимать на слух. Тогда как рассказ о посмертном чуде,

представленный в завершающей части Жития Савватия, построен, по замечанию С.В. Минеевой, в соответствии с каноном греческого отшельнического жития [Минеева, 1999, с. 149–155].

Материалом для исследования послужили языковые единицы разной частеречной отнесенности, означающие восприятие и эмоции.

Из лексических единиц со значением восприятия особое внимание уделяется глаголам как словам, в семантике которых ситуация восприятия получает последовательное отражение. Глаголы восприятия рассматриваются нами как единицы, концептуализирующие фрагмент процессуально-событийной картины мира, связанный с получением информации об объективной действительности с помощью различных органов чувств, и формирующие отдельную лексико-семантическую группу, которая входит в состав лексико-семантического поля «действие» [Горбань и др., 2015, с. 242].

Лексика эмоций (глагольная и именная) понимается как совокупность слов, служащих для обозначения и описания эмоций, чувств и их внешних проявлений. Маркирующий признак, позволяющий отнести языковую единицу к данному лексическому множеству, – наличие в ее семантической структуре категориально-лексической семы ‘эмоциональное переживание’ [Горбань и др., 2015, с. 188].

Единицы с перцептивным и эмотивным значениями семантически связаны. Слово *чудо* восходит к праславянскому **čudo* с суффиксальным *-d-*, представляющему собой производное от глагола **čuti* (ЭССЯ, вып. 4, с. 128–129). Оба слова – **čuti* и **čudo* – имеют о.-с. корень **či-*, восходящий к **kju-*, который в свою очередь восходит к и.-е. **keu-* (**skeu-*) «проникаться уважением, почтением», «замечать» (ИЭС, с. 395, 398). Перцептивное значение «замечать» получило развитие в значениях, отражающих ситуацию восприятия в целом или восприятия, осуществляемого с помощью одного из органов чувств: болг. *чуя*, *чувам* ‘слышать’, ‘слушать’; макед. *чуе* ‘услышать’; чеш. *čítí* ‘чуять’, ‘чувствовать, ощущать’; слвц. *čít* ‘слышать’, ‘чувствовать’; в.-луж. *čiś*, *čiwaś* ‘чувствовать’, ‘чуять, нюхать’, ‘пробовать на вкус’; н.-луж. *сиś* ‘ощущать; щупать;

замечать, чувствовать; чують'; русск. *чують* 'чувствовать, ощущать, познавать чувствами, преимущ. обонянием', диал. *чушь* 'слышать' (арх., ворон., перм.), 'обонять' (арх.); укр. *чути* 'слышать', 'чують', 'чувствовать', *чува-ти* 'слыхать'; блр. *чуць* 'слышать, слыхать', 'чують' (ЭССЯ, вып. 4, с. 134–135). Как представляется, значение существительного *чудо*, определяемое в «Этимологическом словаре славянских языков» как 'явление, противоречащее законам природы и не объяснимое ими, но возможное вследствие вмешательства потусторонней силы' (ЭССЯ, вып. 4, с. 128), также восходит к «замечать»: что-либо может стать трудно объяснимым только в том случае, если будет воспринято кем-то с помощью органов чувств.

Синонимичным слову *чудо* в славянских языках является *диво*, для которого восстанавливается корень **div-* (с характерным для славянских языков расширителем *-v-*), восходящий к др.-инд. *dhī* 'созерцать, наблюдать'. В лексическом гнезде с **div-* (**diviti* (*se*), **divo*, **divota* и др.) нашли отражение два разнонаправленных процесса – сохранения древнего значения и его изменения. В современных славянских языках представлены как единицы с семантикой зрительного восприятия: чеш. *diviti se* 'смотреть, глядеть'; н.-луж. *žiwaś* 'смотреть, обратить взор, принять во внимание, смотреть с удивлением'; в.-луж. *džiwać* 'смотреть, глядеть, принимать во внимание'; русск. *дивиться* 'смотреть, глядеть' (сиб., новосиб., твер.), так и единицы с семантикой удивления: болг. *дивя* 'удивлять', *дивя се* 'удивляться'; макед. *диви се* 'дивиться, удивляться'; словен. *diviti se* 'удивляться, выражать удивление, изумление'; польск. *dziwić* 'удивлять'; русск. *дивиться* 'удивляться'; укр. *диво* 'диво, чудо, странное, удивительное или редкое явление'; блр. *дзіва* 'диво, чудо'; словц. *nie divota* 'неудивительно'; укр. *дивота* 'удивление', 'удивительная вещь'; блр. *дивота* 'сенсация', *дивоты* 'странности, причуды' (ЭССЯ, вып. 5, с. 31–35).

Приведенные данные свидетельствуют о взаимодействии в истории славянских языков лексических единиц с перцептивной и эмотивной семантикой.

Перспективным при изучении фактического материала представляется комплексный

подход, обоснованный в трудах С.П. Лопушанской и предполагающий обращение к разноуровневой семантике языковых единиц с учетом их функционирования, рассмотрение ее через призму мыслительных процессов [Лопушанская, 1988; 1990; 1996; Горбань и др., 2015]. Исследование проведено с опорой на отдельные положения данного подхода, связанные с описанием лексической семантики языковых единиц и их функционирования в тексте.

Для установления функционально-семантической специфики рассматриваемых языковых единиц в рассказах о чудесах использованы описательный метод, включающий сбор, интерпретацию, систематизацию языковых фактов, контекстуальный анализ, ориентированный на выявление особенностей реализации значений в тексте, а также элементы компонентного анализа, предполагающего обращение к составляющим лексических значений слов.

Результаты и обсуждение

Глаголы восприятия в описаниях чудес святых

Описание глаголов со значением восприятия проводится с учетом дифференциации их на группы в зависимости от способа восприятия, отраженного в семантике корневых морфем. Нами выделяется лексика с общей семантикой восприятия, зрительного, слухового восприятия, обоняния, осязания, а также восприятия на вкус (подробно об этом см.: [Сафонова, 2020; 2021]). Значимым для нашего исследования является установление функций глаголов восприятия разных групп в рассказах о чудесах святых.

В описаниях чудес используются глаголы зрительного (**видѣти, увидѣти, зрѣти, воззрѣти, позрѣти, узрѣти, взирати, смотреѣти**) и слухового (**слышати, услышати**) восприятия.

Глаголы зрительного восприятия используются в первую очередь в рассказах о чудесных видениях, которые были дарованы святым по их вере. Во фрагментах, посвященных видениям, отмечены глаголы **видѣти, зрѣти (воззрѣти)**. Так, в описании чуда, явленного

Зосиме для выбора места, на котором должно возвести монастырь, читаем:

(1) **И зрѣт к востоку церковь превелику зело и пречюдну, простерту на воздухе, стоящу** (л. 234 об.)¹.

Глагол **зрѣти** употребляется в сочетании с существительным **церковь**, обозначающим объект, который может быть воспринят с помощью органов чувств, но в данном случае его видит только преподобный. Указанием на принадлежность церкви к миру незримого является в первую очередь существительное **воздухъ**, номинирующее пространство, в котором расположена церковь (**простерту на воздухе, стоящу**).

В описаниях чудес может быть использовано сразу несколько глаголов зрительного восприятия, номинирующих разновидности данного процесса, например при описании чуда, явленного преп. Зосиме в доме Марфы Посадницы (Борецкой). В Житии оно представлено как пророчество многих негативных событий в жизни боярыни, в частности ареста ее вместе с детьми, внуками и отправления, по данным Жития, в Нижний Новгород:

(2) **И возрев** (Зосима)² **на возлежащих, и дивляшеся, и поник на землю, ничто же вещаше. И паки возре, то же виде, и пониче долу, и еще возведе очи третицею, то же зрѣт: некая от возлежащих, в первых сядяща, а глав не имуща** (л. 262 об.).

Глагол **воззрѣти** обозначает преднамеренное зрительное восприятие, осуществляемое после поднятия глаз. На характер зрительного восприятия указывают в первую очередь префикс **въз-** «вверх», а также контекстуальные уточнители – глагол **поникнути** «опустить, склонить (голову), потупить (взор)» (СРЯ XI–XVII, вып. 17, с. 54) и наречие **долу** «низ» (СРЯ XI–XVII, вып. 4, с. 295). Глаголы **видѣти** и **зрѣти** выражают длительное непреднамеренное зрительное восприятие. Объект при рассматриваемых глаголах, выраженный описательно (**некая от возлежащих, в первых сядяща, а глав не имуща**), может быть воспринят посредством органов зрения.

Глаголы рассматриваемой подгруппы используются также во фрагментах, сопровождающих рассказы о прижизненных чудесах

святых и ориентированных на усиление воздействия на читателя. К таковым фрагментам относится, в частности, описание встречи святого Зосимы после восприятия им чуда и Германа (сподвижника Зосимы):

(3) **Утру же бывшу, изшедшу блаженному Зосиме из шатра, и явльшуся ему некоему страшну видению... И ужас нападе на нь от такового видения. И от такового видения страшнаго изменися образом. И прииде к Герману, начат поведати видение. Он же возрев на нь, виде изменена лицем, и поразуме, понеже тои мудр бе и искусен от многолетнего // чернечества и добраго жития** (л. 234 об.).

Герман (субъект восприятия) видит преп. Зосиму (объект восприятия), пребывавшего в состоянии ужаса от явленного ему чуда (**и от такового видения страшнаго изменися образом, изменена лицем**). Факт восприятия святого в этом состоянии становится подтверждением необычности приходящего.

Глаголы зрительной перцепции отмечены в рассказах преподобных о явленных им чудесах. Так, преп. Зосима повествует Герману об увиденном:

(4) **Зосима же изрече вся подробно, яже виде неизреченный он свет и церковь прекрасну** (л. 235).

С помощью глагола **видѣти** вновь фиксируется факт созерцания чуда, но в данном случае как результат понимания увиденного самим субъектом восприятия.

В рассматриваемом Житии отмечены фрагменты, посвященные чудесам, которые происходили с Зосимой и воспринимались окружающими как проявление святости преподобного. Например:

(5) **Да яко же причастися божественных таин // преподобный, видеша вси священники и братия: лице его просветившася, яко лице аггелу, и церкви исполнися благоухання, свидетельствующе достоинство священства блаженнаго** (л. 249 об.).

В приведенном контексте с помощью глагола **видѣти** вводится свидетельствование (**видеша вси священники и братия**) особого благочестия Зосимы, признаками которого, в соответствии с агиографической традицией,

являются особое, ангельское, выражение лица и благоухание, наполняющее церковь.

В изучаемом тексте представлены фрагменты, в которых передается разговор преподобного и его сподвижников, наблюдавших на нем во время восприятия им чуда, например:

(6) Германъ же глагола к нему (преп. Зосиме): «Почто ты, отче, во время обеда **позрев на председателья**, и пониче на землю, и паки **возрев**, скоро пониче, и третицею тако же сотвори...» (л. 263);

(7) «Но повежь ми истинну: яко **видехъ** (инок Пахомии) **тя** (преп. Зосиму), **взирающа на председательхъ** боляр не единою, но дважды и трици, и позывавша главою, и прослезившася, и оттоле ничто же вкусивша» (л. 264).

В данных контекстах посредством глагола **взирати** в сочетании с существительным **боляринъ** (**взирающа на боляр**), глагола **позрѣти** – с субстантивированным причастием (**позрев на председателья**), называющим других участников ситуации, глагола **воззрѣти** – с наречием **паки**, указывающим на повторяемость действия, автор Жития акцентирует внимание читателя на том, что чудо было явлено только святому, тогда как окружающие не понимали сути происходящего.

Глаголы зрительного восприятия используются также во фрагментах, посвященных чудесам, которые были явлены другим людям, находившимся рядом с преп. Зосимой. Например, в описании чуда, происшедшего с братом Макарием и гостями, прибывшими на остров, находим:

(8) Макарие же **зря** и приспевая, хотя **увидети** бывшее. Яко же приближаясь к месту, **виде** огонь, пламенем исхожаше от места оногo из земля, иде же **пес**, скача, **брѣхаше**. И **тече** скоро, помышляя в себе **видети**, что // се место оно, иде же **пламень** исхожаше (л. 250);

(9) Они... глаголаша старцу: «Повеже нам, отче, яко **видехомъ** **тя** медляща на пути и **пса** // **ярящася** и **усты** **своими** **хапающа** **пламень**, **донде** же **ты** **прииде**» (л. 250 об.).

В контексте (8) глагол **видѣти** используется в сочетании с существительным **огонь**, называющим объект, который может быть воспринят с помощью органов зрения. Глаголы **зрѣти** и **увидѣти** употребляются

для обозначения других процессов зрительной перцепции, сопровождающих основной, выраженный посредством глагола **видѣти**. В контексте (9) представлен глагол **видѣти**, объекты при котором выражены личным местоимением **ты** и существительным **песъ** в сочетании с причастием с зависимыми словами (**пса** **ярящася** и **усты** **своими** **хапающа** **пламень**). Посредством **видѣти** вводится подтверждение того, что пламя было видно не только Макарию, но и обычным мирянам.

Глагол **видѣти** отмечен также в следующем контексте:

(10) Макарие же **падъ**, **поклонися** **ему** (игумену Зосиме) **до земля**, **изрече** **вся** **бывшая**, **иже** **виде** **своима** **очима** (л. 251),

где в составе устойчивого сочетания **видѣти** **своима очима** используется для подтверждения происшедшего с Макарием и прибывшими на остров гостями.

Глаголы зрительного восприятия представлены и в описаниях посмертных чудес святых. В первую очередь это глагол **видѣти**, который используется, как и в приведенных выше контекстах, для обозначения фактов зрительного восприятия чудесных явлений, то есть для подтверждения их существования в реальной действительности, но без характеристики конкретных чудесных явлений, например:

(11) И **вся** **близъ моря** // **живущии** **человецы** **имуще** **веру** **к манастирю** **Соловецкому**, **понеже** **бе** **от начальниковъ** **тѣхъ** **видяху** **много** **чюдеса** **бываема** (л. 272);

(12) **Человек** **же** **тон** (Анисим) **богобоязливъ**, **саном** **бѣше** **дѣякъ** **церковнымъ**, **живынъ** **в** **благочестии** **с** **женою** **своею**, **но** **и** **правило** **по** **вся** **дни** **держашеся**, **в** **правиле** **же** **своемъ** **канунъ** **пояше** **преподобному** **Зосиме**, // **понеже** **велию** **веру** **имынъ** **к** **святому**, **видя** **и** **слыша** **чюдеса** **от** **гроба** **преподобнаго** **отца** (л. 288).

В приведенных контекстах рассматриваемый глагол представлен в сочетании с существительным **чудо** в форме множественного числа, называющим то, что не поддается другому объяснению, кроме как помощью святых. Посредством формы множественного числа подчеркивается многочисленность чудес.

Данные фрагменты, помимо подтверждения чудес, содержат указание на то, кому «видны» чудеса святых – верующим в святость Соловецкого монастыря в целом и преп. Зосимы в частности (**человецы имуще веру к манастирю Головецкому; велию веру имын к святому**).

Для подтверждения конкретных чудес глагол **видѣти** употребляется в следующих контекстах:

(13) **И виде** (старец Тарасий) у гроба доски **удвинуту** и край мантии немало вне гроба **висящъ** (л. 269 об.);

(14) **Образ его** (Зосимы) **светло светяся...** и **руце его...** и тако же **святящася**. **И сие старец виде**, **шед**, **поведа** игумену Исани и многим братьям (л. 270);

(15) **Абие видит** **далече** старца идуща от него, **худы ризы** **носяща** и **мала возрастом**. **И скоро течаше** **вослед его**, **еже бы постигнути**, **он же невидим бысть** (л. 302–302 об.).

С той же целью агиографом используется глагол **зрѣти**, синонимичный **видѣти** в значении «видеть, воспринимать зрением» (СРЯ XI–XVII, вып. 6, с. 64). Например:

(16) **И зрит** (старец Данил) **посреди манастиря** **полк велик** **зело нечистыхъ духовъ**, **темнообразныхъ бесовъ**, и **по воздуху множество ихъ** (л. 268);

(17) **И показа ми ся знамение некое** **воскраи острова того**, **яко два столпа багровидны**, **не вельми великы**. **И дивихся видению**, и **поведахъ брату Ферапонту**, **сущу со мною**. **И глагола ми: «Яко аз то же зрю!»** (л. 275);

(18) **Во един же от дний** **приведоша его в гробницу блаженнаго**. **Больныи же зрит** **явственно** **преподобнаго Зосиму** **вставша из гроба** и **в правои руке держаща крест**, и **знаменающа его**, и **по лицу мантиею своею отираше**. **И абие в той час отверзеса язык его**, и **бысть здрав** и **смыслен** (л. 299 об.).

В ряде описаний конкретных чудес, в частности явления Зосимы и Савватия в обители, глагол **видѣти** представлен вместе с другими глаголами восприятия (**зрѣти**, **воззрѣти**, **узрѣти**):

(19) **Мало не дошедшу ми** (старец Герасим) **из гробницы блаженнаго Савватия**, и **возрехъ**, **вижу** старца, **исшедша из гробницы Савватиевы** и

ко **Зосимине идуща**. **И озревся на мя**, глагола: **«Подвизанся, да примешаи противу трудов своих!»** **И аз узрехъ** **образ лица его**, и **познахъ**, **яко воистину преподобный Зосима есть**. **И вниде в гробницу свою**, и **затворися**. **Мне вслед его пришедшу**, и **отверзохъ двери гробницы**, и **зряхъ** – **не бысть никого же**, **точною гроб святаго**. **И се явленно видехъ** **его** и **рекохъ в себе...** (л. 278);

(20) **И се вижу** **дверьми явственно входяща старца**. **И зряхъ на нь прилежно**, и **познахъ**: **яко блаженный Зосима прииде и иде в церковь...** **А святын стояше близ таин Христовыхъ**, и **такое невидим бысть** (л. 278 об.);

(21) **И се вижу** (священноинок Досифей) **идуща** **преподобнаго от своея гробница в церковь**. **И озревся**, **рече ми...** **И сие рекъ**, **невидим бысть**. **Аз же возрехъ**, и **трепет объят мя** (л. 280);

(22) **Внезапу слышу за собою человека**, **огнь спотыкающа**. **«...» Он же рече ко мне: «Саватей, ехати ли ти в Шужмон?»** **Мне же отвещавшу: «Аще Бог повелит и Пречистая Богородица и начальник Зосима, ехати ми»**. **Он же отвеща ми: «Бог тебя благословит, поеди!»** **Аз же начахъ зрети около себе**, **никого не видехъ** (л. 275 об.);

(23) **И в некую ночь изыдох из шатра**, и **взыдох на гору высокую**, и **зряхъ на море**. **И се вижу** **над островом Головецкимъ**, **яко над манастиремъ** **тем два столпа огненныхъ святыхъ** и **до небесе досязающа** (л. 272 об.).

В приведенных контекстах рассматриваемые глаголы используются для обозначения разновидностей зрительной перцепции. Глаголы **видѣти** и **узрѣти**, будучи синонимами, номинируют непреднамеренное восприятие, тогда как глагол **воззрѣти** – преднамеренное зрительное восприятие. Глагол **зрѣти** в зависимости от контекстуальных условий может использоваться для обозначения непреднамеренного (и **зряхъ** – **не бысть никого же, точною гроб святаго**) и преднамеренного восприятия (**зряхъ на нь**). Глаголы **видѣти**, **воззрѣти** и **узрѣти** употребляются агиографом для описания явления умершего преп. Зосимы старцу Герасиму и священноиноку Досифею. Факт видения фиксируется с помощью глаголов непреднамеренного зрительного восприятия, тогда как дополнительные действия воспринимающего, сомневающегося в увиденном и страшась его, – посредством глаголов преднамеренного зрительного восприятия.

Подтверждение чуда осуществляется с помощью глаголов зрительной перцепции и в описаниях посмертных чудес Зосимы и Савватия вне обители, например:

(24) И зрях к монастырю, се **вижу** к нам летящи белы, яко снег, две птицы, яко бы мала поменьши гуся, и яко прилетеша близ нас, и паки невидими быша. **Аз** един отшед кроме братии, **смотрях** на море вод и **видех** судно, к нам плывуще, бе же вельми хорошо. <...> **Аз** же призвах слугу, шедшаго с нами, и показах ему судно то, он же рече: «И аз **вижу!**» **Мы** же мног час ждахом, яко бы близ нас и паки // невидимо бысть (л. 286).

Глагол **видѣти** используется для описания явления святых верующим в снах. В таких фрагментах данный глагол, реализующий значение «видеть во сне» (СРЯ XI–XVII, вып. 2, с. 174), в силу специфики последнего представлен без других глаголов зрительного восприятия, например:

(25) **Мне** (Феодору) же влезшу внутрь лодии, и сядя, от печали въздрамах, и се **вижу**: на лодии нашен два старца сядяща и глаголюща // кормнику... (л. 294 об.);

(26) **Аз** же възбнух, скоро притек к сущим во льяле, воду лиющим, и начах сказывати, яже **видех** (л. 295);

(27) Един же от них рече: «**Аз** ляхх много воды и утрудихся, и сон обьят мя, сядя, дремлях. **Вижу** два старца, сядяща на лодии нашен в син час...» (л. 295).

Рассмотренные фрагменты Жития позволяют говорить о том, что глаголы зрительной перцепции важны для речевой организации описаний чудес святых, где анализируемые единицы выполняют функцию подтверждения факта чудесного события в реальной действительности.

В тексте Жития для описания чудесных явлений используются глаголы слухового восприятия **слышати** и **услышати**, например:

(28) **Аз** един отшед кроме братии, **смотрях** на море вод и **видех** судно, к нам плывуще, бе же вельми хорошо. **Слышу** же и говор людскон в судне том, глаголющ русским языком. <...> **Мы** же мног час ждахом, яко бы близ нас и паки // невидимо бысть (л. 286);

(29) Юноша же тон (Анфим), отпустив старца, возлеже почити, яко же успе. **Абие**

слышит некоего стояще над собою и молитву **Исусову** творяща... Юноша же, яко **услыша**, скоро воскочив с места, на нем же лежа, нача зрети прилежно, от кого се **слыша**. **Абие** видит далече старца идуща от него, худы ризы носяща и мала возрастом. И скоро течаше вослед его, еже бы постигнути, он же невидим бысть (л. 302–302 об.);

(30) **Аз** (Никон) же **слышу** из гроба преподобнаго, к себе зовуща мя и рече... (л. 297 об.).

В контекстах (28) и (29) рассматриваемые глаголы обозначают восприятие звуков, представляющих собой часть чудесного видения и усиливающих воздействие на верующих, которым были явлены чудеса. Доминирующим каналом получения информации остается зрительный, чем обусловлено использование глаголов зрительного восприятия в комплексе с глаголами слуховой перцепции. В контексте (30) представлена другая ситуация: мирянину Никону, страдающему от нападения бесов и верующему в исцеление по молитвам святых Зосимы и Савватия, даровано только слышать святого преподобного Зосиму.

В описании обретения святого после кончины и сопровождавшего его уход чуда глагол **слышати** отмечен в особом употреблении:

(31) Он же, сотвори молитву, вниде в келию, и **слыша** велне благовоние, а святого сядяща, ужасеся, мня его жива суща (л. 228 об.).

В данном контексте рассматриваемый глагол представлен в сочетании с существительным **благовоние** «приятный запах, благоухание» (СРЯ XI–XVII, вып. 2, с. 195), называющим реалию, которая может быть воспринята с помощью органов обоняния, но не слуха. Такое употребление представляет собой проявление возможностей перцептивных глаголов обозначать получение информации с помощью других органов чувств, нежели те, которые отражены в прямых значениях этих глаголов (слуховое восприятие – восприятие запаха).

Как и глаголы зрительного восприятия, глаголы слухового восприятия используются для подтверждения факта чуда, однако механизм «свидетельствования» является иным: он связан с передачей информации о чудесах от одних верующих, в том числе иноков, другим, например:

(32) И се вси братия прославиша Бога, глаголюще: «Вонстинну, господине отче, **слышахом** от многих братии, яко беспрестани посещает преподобныи святое место сие по своему обещанию...» (л. 280);

(33) **Многа** от многих человек **слышах** о сем преподобнем Зосиме, игумене Головецком, по рекам и по наволокам живущих во всем Поморни... (л. 295);

(34) **Сеи** (земледелец Иоани) **слыша** многа чюда, бывающа у гроба преподобнаго Зосимы, начальника Головецкаго (л. 299 об.);

(35) И начаша ми глаголати: «**Слышали есме**, господине, о чюдесех преподобнаго Зосимы, // вашего начальника, яко его ради молитв Бог многим подает исцеление... » (л. 303);

(36) **Бе** во **слышал** от многих о святем, яко его ради молитв бывають многа исцеления (л. 304 об.).

В приведенных контекстах глагол **слышати** представлен в сочетании с нарицательными существительными **святой, чудо**, именем собственным **Зосима** в форме П. п., обозначающими содержание услышанного (**слышал от многих о святем; слышали есме о чюдесех; слышах о Зосиме**), с существительным **человекъ**, прилагательным **многий** в форме Р. п., указывающими на источник информации о чудесах (**слышахом от многих братии; от многих человек слысах; слышал от многих**).

Итак, из выделенных в зависимости от способа получения информации подгрупп глаголов восприятия в исследуемом материале отмечены подгруппы глаголов зрительного и слухового восприятия. Глаголы зрительного восприятия используются для выражения созерцания чудес: глаголы непреднамеренного восприятия – непосредственного созерцания чюда; глаголы преднамеренного восприятия – дополнительных процессов, сопровождающих основной, выраженный глаголом непреднамеренного восприятия. Субъектами восприятия могут выступать святые, иноки и верующие миряне. Глаголы слухового восприятия также употребляются для подтверждения фактов чудес, но не через непосредственное созерцание, а по рассказам других людей, воспринимаемым как свидетельства, не подлежащие сомнению. Единичным является случай употребления глагола слухового восприятия для подтверждения чюда через восприятие запаха.

Лексика эмоций

в описаниях чудес святых

В структуре житийного рассказа о чуде лексика эмоций содержательно и функционально релевантна и может маркировать топоры житийного повествования, таким образом выполняя дидактическую, сюжетоформирующую и текстообразующую функции (о терминах см.: [Дмитриева, 2020]).

Так, дидактическую функцию выполняет повторяющееся в текстах выражение **имѣти велию веру**, подчеркивающее глубину религиозного чувства, связанного с ожиданием чюда и помощью святых:

(37) **Бе** некий старец именем Тарасие, и сен **велию веру** имея к преподобному Зосиме, по вся ноци приходя, молитвы и коленопреклонение творяше у гроба святаго... (л. 269);

(38) И многим являющеся скорни в бедах помощници, и от сего вси человеци округ моря от многих стран **велию веру** **имяху** к ним (л. 271 об.);

(39) И вси близ моря // живущии человецы **имуще велию веру** к монастырю Головецкому, понеже бо от начальников тех видяху многа чюдеса бываема (л. 271 об. – 272);

(40) Мирстии же человецы, православнии христиане, **велию веру** к святым **имуще**, молящеся к Христу Богу и святых его угодников на помощь призывающе, невредими пребывают от всех вражних обстоянии, славу и благодарение всылающе // Христу Богу (л. 272–272 об.).

В контекстах, содержащих рассматриваемую конструкцию, подчеркивается особая природа веры – не пассивная убежденность, а деятельная и устойчивая: она коренится в ожидании божественной помощи и чудес (**многа чюдеса бываема**), воплощается в молитвах и обращении за поддержкой к Христу и святым угодникам (**молящеся к Христу Богу и святым его угодников на помощь призывающе**), опирается на свидетельства о свершившихся чудесах (**понеже бо от начальников тех видяху многа чюдеса бываема**) и обретает силу благодаря признанию среди православных христиан, становясь неоспоримой истиной (**вси человеци, вси близ моря живущии человецы, мирстии же человецы, православнии христиане**).

Лексическое выражение объекта эмоционального переживания (**к монастырю Головецкому, к преподобному Зосиме, к святым**)

обозначает связь веры с важными ориентирами и одновременно репрезентирует сакральность как пространства, так и личности: святое место и святые лица выступают в роли духовных точек отсчета, формирующих религиозное чувство.

Важное значение имеет и характеристика самого чувства: сочетание **велию веру** («великую веру») акцентирует исключительную интенсивность религиозного переживания, фиксирует факт глубокой веры, который призван эмоционально воздействовать на читателя, пробуждая в нем восхищение и стремление к подражанию святым образцам.

Конструкция **имѣти (велию) веру** не просто обозначает религиозное убеждение – она служит мощным инструментом формирования образа «праведного сообщества». Коллективная вера, на которую указывает уточнитель **вси человеци**, придает этому образу особую глубину: складывается представление о благочестивом народе, чья общая вера обладает внутренней силой. Именно она, в свою очередь, выступает залогом защиты: такой народ **невредими пребывают от всех вражних обстоянии**.

Традиционно представлена лексика эмоций в речи святых, явившихся монахам для помощи и поддержки:

(41) **Ныне быша пред вашим приходом, глаголюще: «Уже придем по вас, не скорбите!»** (л. 276 об.);

(42) **И глагола ми о скорби моеи, утешая мя: «Не буди ти скорбен о том, что погыбе в келни твои, то будет. Точною подвижанся, а не уныван!»** (л. 279);

(43) **В нощи же тои яви ми ся Зосима, глаголя: «Не скорбите, встав, идите в путь свои!»** (л. 287 об.).

Эмотивные лексемы в приведенных цитатах связаны с эмоцией скорби (**скорбѣти, скорбный**). Они обозначают эмоциональное состояние адресата (ученика, братии), испытывающего тревогу, печаль или уныние из-за жизненных испытаний; служат причиной для пастьерского воздействия (упоминание скорби не просто констатирует факт, а создает повод для утешения и наставления); противопоставляются состоянию душевного спокойствия и духовной бодрости, к которому призывает святой.

Святые предлагают пути преодоления скорби: обещание помощи / поддержки: **«Уже придем по вас, не скорбите!»** (устранение причины тревоги через гарантию будущего действия); принятие утраты как части духовного пути: **«Не буди ти скорбен о том, что погыбе в келни твои, то будет»** (смирение перед волей Божьей, восприятие материальных потерь как несущественных в сравнении с духовными ценностями); акцент на действии, а не на переживании: **Точною подвижанся, а не уныван!»** (переключение фокуса с негативных эмоций на созидательную деятельность, подвиг); побуждение к движению и исполнению воли Божьей: **«Не скорбите, встав, идите в путь свои!»** (прямое указание на действие как способ преодоления душевной тяжести).

Речь святых в Житии не только описывает эмоции, но и меняет эмоциональное и духовное состояние собеседника через реализацию следующих коммуникативных целей: утешение (святой выступает как духовный наставник, врачующий душевные раны); наставление (слова святого содержат четкие указания к действию (**подвижанся, идите в путь**) или призыв отказаться от деструктивного состояния (**не уныван**)); духовное укрепление (речь направлена на формирование стойкости, смирения и упования на Бога); трансляция авторитета (слова святого обладают особой силой, поскольку он воспринимается как посредник между Богом и людьми, носитель божественной истины и благодати).

Обращает на себя внимание ряд особенностей, которые обеспечивают реализацию дидактической функции: активное использование форм императива, прямой побудительный характер высказываний, их лаконичность и афористичность. Важную роль играет антитеза негативных эмоций (скорби и уныния) и позитивных состояний (смирения и упования).

В житийных рассказах о чудесах лексика эмоций выполняет еще одну важную функцию – сюжетоформирующую. Эмотивы маркируют ключевые этапы нарратива: они обозначают возникновение кризиса (причины нарушения гармонии) и подчеркивают значимость его чудесного разрешения. Такие фрагменты реализуют устойчивую структурно-семантическую модель эпизода.

Этап 1. Репрезентация кризиса через эмоциональную реакцию. На этапе возникновения кризиса в тексте описываются интенсивные негативные эмоциональные состояния персонажей. Для их обозначения используются лексемы с семантикой отчаяния, страха, скорби и обиды и др. Например:

(44) **Мы же отчаяхомся** своего спасения от нахождения волн – покрывают бо ладню нашу волны морския (л. 270 об.);

(45) **И ужасохомся** вельми стремления воднаго (л. 282);

(46) **и всем нам живота отчаявшимися** (л. 282 об.);

(47) **Больныи же, яко услыша их укаряющих и вельми ужасающихся, понеже ничто надеятися** (л. 282 об.).

В приведенных контекстах ключевые эмоции – ужас (**ужасохомся, ужасающихся**) и отчаяние (**отчаяхомся, отчаявшимися**); причина эмоциональных переживаний – экстремальные обстоятельства (стихийное бедствие, болезнь); задача эмотивов – подчеркнуть безысходность ситуации без вмешательства высших сил.

Лексика эмоций маркирует возникновение конфликта (внешнего или внутреннего), демонстрирует недостаточность человеческих ресурсов в сложившейся ситуации кризиса для его преодоления и создает предпосылки для чудесного вмешательства.

Этап 2. Репрезентация разрешения кризиса через эмоциональную реакцию. После чудесного разрешения кризиса в тексте описывается смена эмоционального состояния персонажей с отрицательного на положительное. Используются лексемы с семантикой радости, утешения, облегчения и под:

(48) **Мы же в радости и веселии в манастырь достигохом** (л. 277 об.);

(49) **И по глаголу преподобнаго погывшее сокровище обретесе на своем месте, и аз от скорби утешихся, и брат мой** (л. 279 об.).

На этапе разрешения кризиса эмоциональная лексика фиксирует переход от отрицательного состояния к положительному; подчеркивает причинно-следственную связь чуда с эмоциональным облегчением; завершает нарративную структуру эпизода.

В житийной литературе лексика эмоций выполняет важную текстообразующую функцию: передавая психологическое состояние персонажей, она структурирует повествование, задает его тональность.

Так, в описаниях чудес собственно реакция на чудо передается лексемами удивления (**диво, дивитися, дивный, удивлятися, чудо, чудитися, почудитися** и др.) или страха (**страхъ, ужась, ужасатися** и др.), например:

(50) **Мы же, се слышавше, дивихомся, ведуще, яко погребохом святаго тело в земли. И како обретесе верху земля?** (л. 270);

(51) **И зрях, и дивихся** на мног час (л. 272 об.);

(52) **И дивихся** видению, и поведех брату Ферапонту, сущу со мною (л. 275);

(53) **Нам же чюдящимся** зело и удивляющим преподобных отец посещению и милости, какову приязнь имеют, аще кто с верою их на помощь призывает (л. 276 об.);

(54) **Внезапу прииде к нам игумен Исаия из келли своея, слезен вельми, яко во ужасе, яко неким видением движим. И начат нам глаголати жалостно** (л. 273 об.);

(55) **И авне узрех от востока яко плащаницу огненну, по воздуху летящу, – прелетев прямо гробницы преподобнаго Зосимы, невидима бысть. Мне же страхом и радостию обняту вывшу о предивном видении, наипаче же извещенне принимшу ми о игуменском повелении, еже до Шужмоя-острова** (л. 274 об.);

(56) **И аз ндох причаститися, великим страхом** объят бых, зря преподобнаго (л. 278 об.).

Эмотивы выражают несоответствие увиденного привычному ходу вещей, разрыв между ожидаемым и реальным. Они указывают на трепет, ужас перед сверхъестественным, осознание величия и непостижимости происходящего. Приведенные лексемы несут богословскую нагрузку: удивление указывает на трансцендентность Божественного промысла; страх выражает благоговение перед святостью; сочетание страха и радости отражает православное понимание чуда как явления, одновременно устрашающего своей мощью и утешительного как знак милости. Лексемы с семантикой удивления и страха – важные инструменты текстопостроения, позволяющие автору донести до читателя не только факт чуда, но и его духовный смысл.

Таким образом, анализ использования лексики эмоций в житийных рассказах о чудесах демонстрирует ее роль в построении текста, опирающуюся на реализацию ряда функций: дидактической (устойчивые формулы с эмотивами передают ключевые смыслы, а поучительная направленность речи персонажей ориентирована на формирование желаемой модели поведения), сюжетоформирующей (эмоциональные индикаторы служат маркерами сюжетных переходов) и текстообразующей (противопоставление эмоциональных полюсов выстраивает систему этических координат; эволюция чувств в повествовании отражает логику разрешения кризисной ситуации). Все это позволяет считать мотивные средства важным компонентом жанровой стратегии агиографии.

Взаимодействие перцептивной и мотивной лексики в описаниях чудес святых

В Житии Зосимы и Савватия Соловецких рассказы о чуде реализуют устойчивые модели взаимодействия перцептивной и мотивной лексики.

Модель «восприятие → удивление» традиционна для описания чуда: перцептивный глагол фиксирует факт восприятия сверхъестественного явления; мотивный глагол передает удивление, например: **И зрях, и дивихся на мног час** (л. 272 об.); **Видех шесть мужни, председаших на трапезе сен без глав, и видех, дивихся много** (с. 263 об.) – зрительное восприятие огненных столпов и людей в страшном образе вызывает длительное удивление.

Модель «восприятие → страх» характерна для явлений, вызывающих священный ужас: **Аз же возрех, и трепет объят мя** (л. 280) – зрительное восприятие явившегося и вдруг исчезнувшего преподобного вызывает трепет; **Они же, сия видевше, ужасом одержими бяху** (л. 292) – видение воскресшей мертвой порождает ужас.

Модель «восприятие → радость → (прославление Бога)» отражает положительную реакцию на чудо: **Братия же, яко видеша таково преславное видение, возрадовашася радостию великою зело и прославиша Бога**

(л. 249 об.); **Мы же сие видехом и слышавше глаголанная, вельми возрадовахомся...** (л. 295) – увиденное и услышанное вызывает радость, благодарение; **Андроник же и жена его видеша чудо преславное, начаша вопити от радости** (л. 306) – чудо порождает ликование.

Реализация моделей «восприятие → удивление» и «восприятие → страх / трепет» может быть более сложной и предполагать осмысление через соотнесение услышанного с уже известным: **Мы же, се слышавше, дивихомся, ведуще, яко погребом святого тело в земли. И како обретется верху земля?** (л. 270); **Он же, сотвори молитву, вниде в келию, и слыша велие благовоние, а святого сядяща, ужасеся, мня его жива суща** (л. 228 об.).

Совместное употребление перцептивной и мотивной лексики выполняет в житийном тексте несколько ключевых функций.

Доказательство чуда. Перцептивная лексика создает эффект свидетельства: чудо не придумано, а увидено / услышано конкретным лицом / информация о чуде получена со слов других людей. Мотивная реакция подтверждает необычность явления: если люди удивлены или испуганы, значит, произошло нечто сверхъестественное.

Повышение степени достоверности повествования достигается за счет интенсификации использования лексических единиц с перцептивной семантикой. Многократное употребление глаголов восприятия в одном фрагменте акцентирует объективность и эмпирическую закреплённость видения: **И возрев на возлежащих, и дивляшеся, и поник на землю, ничто же вещаше. И паки возре, то же виде, и пониче долу, и еще возведе очи третицею, то же зрит: некия от возлежащих, в первых сядяща, а глав не имуща** (л. 262 об.). Описание восприятия чуда несколькими субъектами легитимирует феномен чуда, трансформируя его в факт, укрепляющий веру: **Братия же, яко видеша** (л. 249 об.).

Воздействие на читателя реализуется посредством включения в текст мотивной лексики, которая обеспечивает эффект сопresутствия, побуждая к эмпатическому воспроизведению спектра эмоциональных реакций персонажей – от изумления и страха

до радости. Такое описание способствует формированию правильного религиозного отношения к описываемым событиям.

Духовно-смысловая интерпретация. Эмоциональная реакция персонажей, как правило, редуцируется до акта прославления Бога, что обеспечивает семантический переход от частного, локального проявления чуда к его трактовке в качестве элемента Божественного промысла.

Создание сакрального хронотопа. Повторяющиеся формулы (**и видех, и дивихся**) формируют особый ритм повествования, где чудо – не случайность, а закономерность в мире, наполненном божественным присутствием.

Заключение

Чудо является важным сюжетным элементом жития и предстает как многослойная текстовая реальность, в которой посредством языковых единиц целенаправленно конструируется его значимость и убедительность.

Обращение к анализу глаголов восприятия позволило установить значимые для восприятия чуда перцептивные процессы и закономерности их языковой экспликации. В Житии Зосимы и Савватия Соловецких употреблены глаголы зрительной и слуховой перцепции, что свидетельствует об определенных представлениях о чуде и его восприятии. Чудо воспринимается неким наблюдателем и только с помощью органов зрения и слуха. Глаголы с перцептивной семантикой необходимы агиографу для убеждения читателя в реальности чудесных событий через фиксацию факта их восприятия свидетелями.

Результаты анализа агиографического материала демонстрируют, что лексика эмоций – важный компонент житийного нарратива. Эмотивные единицы в рассказах о чудесах выполняют комплекс функций: дидактическую, сюжетоформирующую и текстообразующую, тем самым определяя жанровую специфику агиографии. Дидактическая функция реализуется устойчивыми формулами, транслирующими нормативные модели религиозного поведения;

сюжетоформирующая – маркированием ключевых этапов нарратива: отрицательные эмоции (страх, отчаяние, скорбь) фиксируют кризисную ситуацию, подчеркивая ее неразрешимость человеческими силами, а положительные (радость, утешение, прославление) знаменуют чудесное разрешение и восстановление гармонии. Текстообразующая функция эмоций выражается в создании этической и смысловой структуры повествования: противопоставление эмоциональных полюсов выстраивает систему ценностных координат, где чудо осмысливается как проявление божественного промысла. В житийном тексте эмоциональные реакции персонажей не произвольны: удивление, страх, трепет и радость несут богословскую нагрузку и отражают каноническое восприятие чуда – одновременно устрашающего своей мощью и утешительного как знак милости.

Взаимодействие перцептивной и эмотивной лексики в описаниях чудес святых образует устойчивый нарратив, где перцептивная лексика используется для рассказа о реальности чуда (оно кем-то увидено, услышано); эмотивная лексика создает эмоциональный резонанс (удивление, страх, радость); их сочетание формирует духовный смысл (прославление Бога, укрепление веры). Этот нарратив выполняет одновременно доказательную (подтверждение чуда), эстетическую (художественное воздействие на читателя) и дидактическую (наставление в вере) функции, что делает его ключевым элементом поэтики житийного жанра, репрезентирующим способы языковой концептуализации сакрального в культуре Средневековья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Примеры приводятся по изданию: Житие и чудеса преподобных Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев / сост., вступит. ст., подгот. текстов, пер. с древнерус. яз. и коммент. С. В. Минеевой. Курган : Изд-во Кург. гос. пед. ин-та, 1995. С. 9–84 (л. 210 об. – 310 об.).

² Здесь и далее комментарий, приведенный в скобках, принадлежит авторам статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арнаутова Ю. Е., 2023. «Истинные» и «ложные» чудеса глазами церковных авторов: границы средневековой веры в чудо // *Одиссей. Человек в истории*. № 1 (30). С. 5–34. DOI: 10.32608/1607-6184-2023-30-1-5-34
- Бондарь К., 2023. По тропам славистики и иудаики. 2-е изд., доп. и перераб. Израиль : Книга Сефер. 176 с.
- Горбань О. А., Дмитриева Е. Г., Косова М. В., Сафонова И. А., Терентьева Е. В., 2015. Семантика древнерусского глагола: синхронно-диахронический аспект : коллектив. моногр. / отв. ред. Е. М. Шептухина. 2-е изд., доп. Москва : Флинта : Наука. 352 с.
- Гуревич А. Я., 1972. Категории средневековой культуры. Москва : Искусство. 318 с.
- Дмитриева Е. Г., 2020. Функции эмотивной лексики как средства реализации религиозно-нравственного идеала в житийных текстах XVIII–XX веков // *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica*. № 19. С. 41–52. DOI: 10.18778/1731-8025.19.04
- Дмитриева Р. П., 1991. Житие Зосимы и Савватия Соловецких в редакции Спиридона-Саввы // *Книжные центры Древней Руси. XI–XVI вв.: разные аспекты исследования* / отв. ред. Д. С. Лихачев. Санкт-Петербург : Наука. С. 221–282.
- Карасик В. И., 2017. Концептуализация чуда // *Поволжский педагогический вестник*. Т. 5, № 3 (16). С. 25–33.
- Лихачев Д. С., 1980. Соловки в истории русской культуры // *Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов* / под общ. ред. Д. С. Лихачева. Москва : Искусство. С. 5–41.
- Лопушанская С. П., 1988. Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции // *Русский глагол (в сопоставительном освещении)* : межвуз. сб. науч. тр. Волгоград : Изд-во ВПИ. С. 5–19.
- Лопушанская С. П., 1990. Развитие и функционирование древнерусского глагола. Волгоград : Изд-во ВПИ. 114 с.
- Лопушанская С. П., 1996. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Филология*. Вып. 1. С. 6–13.
- Минеева С. В., 1999. Проблемы комплексного анализа древнерусского агиографического текста (на примере Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких). Курган : Изд-во Кург. ун-та. 198 с.
- Минеева С. В., 2002. Житие Зосимы и Савватия Соловецких в контексте рукописной и жанровой традиции : дис. ... д-ра филол. наук. Москва. 703 с.
- Первушин М. В., Рыженков А. Н., 2018. Феномен чуда в агиографии через призму современного осмысления (на примерах Киево-Печерского патерика) // *Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого*. № 2 (14). С. 1–6.
- Рогожникова Т. П., Хоменко М. В., 2020. Жанр прижизненного чуда в русской агиографии: коммуникативно-прагматический аспект // *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. № 1 (26). С. 74–77. DOI: 10.36809/2309-9380-2020-26-74-77
- Рыженков А. Н., 2022. Чудо: исторический, литературный и богословский аспекты (по материалам русской агиографии XVII века) : автореф. дис. ... канд. богословия. Москва. 32 с.
- Рынковой И. В., 2010. Феномен чуда // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. № 5 (37). С. 46–52.
- Садыков П. Д., 2024. Чудо в древнерусских богородичных сказаниях сквозь призму их духовного содержания // *Христианское чтение*. № 1. С. 255–262.
- Сафонова И. А., 2020. Перцептивная лексика как средство создания образов подвижников благочестия в агиографических текстах XVIII–XX вв. // *Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка : сб. ст. по материалам VII Междунар. науч. семинара, посвящ. 110-летию Сарат. гос. ун-та (г. Саратов, 1 нояб. 2019 г.)* / отв. ред. О. И. Дмитриева. Саратов : Амирит. С. 97–105.
- Сафонова И. А., 2021. Глагольные средства выражения восприятия «незримого» в агиографических текстах XX–XXI веков // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. Т. 20, № 6. С. 65–77. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.6>
- Смирнова В. В., 2006. Чудо как жанрообразующий элемент средневековых религиозных жанров : Житие, пример, видение : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва. 22 с.
- Стародумов И. В., 2009. Жанровая специфика повествований о посмертных чудесах святых подвижников в составе древнерусской агиографии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2009. 20 с.

- Терешкина Д. Б., 2023. Чудеса в житиях новгородских святых: типология и художественное своеобразие // *Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 22* / гл. ред. О. А. Туфанова. Москва : ИМЛИ РАН. С. 218–243. DOI: <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-218-243>
- Хоменко М. В., 2024. Рассказ о прижизненном чуде в русской агиографии: жанрово-стилистический и коммуникативно-прагматический аспекты : дис. ... канд. филол. наук. Омск. 225 с.

СЛОВАРИ

- ИЭС* – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Т. 2. Москва : Рус. яз. – Медиа : Дрофа, 2009. 559 с.
- СРЯ XI–XVII* – Словарь русского языка XI–XVII вв. Москва : Наука, 1975– ; Вып. 2. 1975. 319 с. ; Вып. 4. 1977. 403 с. ; Вып. 6. 1979. 359 с. ; Вып. 17. 1991. 295 с.
- ЭССЯ* – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / сост. О. Н. Трубачев [и др.] ; под ред. чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачева. Москва : Наука, 1974– ; Вып. 4. 1977. 235 с. ; Вып. 5. 1978. 232 с.

REFERENCES

- Arnautova Yu. Ye., 2023. «Istinnye» i «lozhnye» chudesa glazami tserkovnykh avtorov: granitsy srednevekovoy very v chudo [The “True” and “False” Miracles from the Church Authors’ Perspective: the Boundaries of Medieval Belief in Miracles]. *Odissey. Chelovek v istorii*, no. 1 (30), pp. 5–34. DOI: 10.32608/1607-6184-2023-30-1-5-34
- Bondar K., 2023. *Po tropam slavistiki i iudaiki* [Tracking Slavic and Jewish Studies]. Israel, Kniga Sefer Publ. 176 p.
- Gorban O.A., Dmitrieva E.G., Kosova M.V., Safonova I.A., Terentyeva E.V., 2015. *Semantika drevnerusskogo glagola: sinkhronno-diakhronicheskiy aspekt: kollektiv. monogr.* [Semantics of Old Russian Verb: Synchronous and Diachronic Aspect. Collective Monograph]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 352 p.
- Gurevich A. Ya., 1972. *Kategorii srednevekovoy kultury* [The Categories of Medieval Culture]. Moscow, Iskusstvo Publ. 318 p.
- Dmitrieva E.G., 2020. Funktsii emotivnoy leksiki kak sredstva realizatsii religiozno-nravstvennogo ideala v zhitiynykh tekstakh XVIII–XX vekov [Functions of Emotive Vocabulary as a Means of Pursuing Religious and Moral Ideal in the Hagiographic Texts of the 18th – 20th Centuries]. *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Linguistica Rossica*, no. 19, pp. 41–52. DOI: 10.18778/1731-8025.19.04
- Dmitrieva R.P., 1991. Zhitie Zosimy i Savvatiya Solovetskikh v redaktsii Spiridona-Savvy [Hagiographies of Zosimas and Sabbatius of Solovki edited by Spiridon-Savva]. Likhachev D.S., ed. *Knizhnye tsentry Drevney Rusi. XI–XVI vv.: raznye aspekty issledovaniya* [Literary Centres of Ancient Rus’ in the 11th – 16th Centuries: Various Research Aspects]. Saint Petersburg, Nauka Publ., pp. 221–282.
- Karasik V.I., 2017. Kontseptualizatsiya chuda [Conceptualization of Miracle]. *Povolzhskiy pedagogicheskiy vestnik*, vol. 5, no. 3 (16), pp. 25–33.
- Lihachev D.S., 1980. Solovki v istorii russkoy kultury [Solovki in the History of Russian Culture]. Lihachev D.S., ed. *Arkhitekturno-khudozhestvennye pamyatniki Solovetskikh ostrovov* [The Architectural and Artistic Monuments of the Solovetsky Islands]. Moscow, Iskusstvo Publ., pp. 5–41.
- Lopushanskaya S.P., 1988. Izmenenie semanticheskoy struktury russkikh bespristavochnykh glagolov dvizheniya v protsesse modulyatsii [Changing the Semantic Structure of Russian Prefixless Verbs Denoting Motion in the Process of Modulation]. *Russkiy glagol (v sopostavitel'nom osveshchenii): mezvuz. sb. nauch. tr.* [Russian Verb (Comparative Analysis). Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Volgograd, Izd-vo VPI, pp. 5–19.
- Lopushanskaya S.P., 1990. *Razvitiye i funktsionirovaniye drevnerusskogo glagola* [Evolution and Functioning of Old Russian Verb]. Volgograd, Izd-vo VPI. 114 p.
- Lopushanskaya S.P., 1996. Semanticheskaya modulyatsiya kak rechemyslitel'nyy protsess [Semantic Modulation as a Speech-and-Mental Process]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Filologiya*, iss. 1, pp. 6–13.

- Mineeva S.V., 1999. *Problemy kompleksnogo analiza drevnerusskogo agiograficheskogo teksta (na primere Zhitiya prep. Zosimy i Savvatiya Solovetskikh)* [The Problems of Comprehensive Analysis of the Old Russian Hagiographic Text (Exemplified by Hagiographies of Zosimas and Sabbatius of Solovki)]. Kurgan, Izd-vo Kurg. un-ta. 198 p.
- Mineeva S.V., 2002. *Zhitie Zosimy i Savvatiya Solovetskikh v kontekste rukopisnoy i zhanrovoy traditsii: dis. ... d-ra filol. nauk* [Hagiographies of Zosimas and Sabbatius of Solovki in the Context of Manuscript and Genre Traditions. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow. 703 p.
- Pervushin M.V., Ryzhenkov A.N., 2018. Fenomen chuda v agiografii cherez prizmu sovremennogo osmysleniya (na primerakh Kievo-Pecherskogo paterika) [The Phenomenon of the Miracle in the Context of Contemporary Understanding]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo* [Memoirs of Novgorod State University], no. 2 (14), pp. 1-6.
- Rogozhnikova T.P., Khomenko M.V., 2020. Zhanr prizhiznennogo chuda v russkoy agiografii: kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt [Genre of a Lifetime Miracle in Russian Hagiography: A Communicative-Pragmatic Aspect]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*, no. 1 (26), pp. 74-77. DOI: 10.36809/2309-9380-2020-26-74-77
- Ryzhenkov A.N., 2022. *Chudo: istoricheskiy, literaturny i bogoslovskiy aspekty (po materialam russkoy agiografii XVII veka): avtoref. dis. ... kand. bogosloviya* [Miracle: Historical, Literary and Theological Aspects (Proceedings of Russian Hagiography of the 17th Century). Cand. theology abs. diss.]. Moscow. 32 p.
- Rynkovoy I.V., 2010. Fenomen chuda [The Phenomenon of Miracle]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv* [The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)], no. 5 (37), pp. 46-52.
- Sadykov P.D., 2024. Chudo v drevnerusskikh bogorodichnykh skazaniyakh skvoz prizmu ikh duhovnogo soderzhaniya [Miracle in the Old Russian Theotokos Tales through the Prism of Their Spiritual Content]. *Khristianskoye chteniye*, no. 1, pp. 255-262.
- Safonova I.A., 2020. Pertseptivnaya leksika kak sredstvo sozdaniya obrazov podvizhnikov blagochestiya v agiograficheskikh tekstakh XVIII–XX vv. [Perceptual Vocabulary as a Means of Creating Godliness Devotees in Hagiographic Texts of the 18th – 20th Centuries]. Dmitrieva O.I., ed. *Razvitie slovoobrazovatel'noy i leksicheskoy sistemy russkogo yazyka: sb. st. po materialam VII Mezhdunar. nauch. seminara, posvyashch. 110-letiyu Sarat. gos. un-ta (g. Saratov, 1 noyab. 2019 g.)* [Development of the Word-Building and Lexical System of the Russian Language. Collection of Articles Based on Proceedings of the 7th International Scientific Seminar Dedicated to the 110th Anniversary of the Saratov State University (Saratov, November 1, 2019)]. Saratov, Amirit Publ., pp. 97-105.
- Safonova I.A., 2021. Verbal Means Expressing the Comprehension of “Invisible” in Hagiographic Texts of the 20th – 21st Centuries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 6, pp. 65-77. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.6>
- Smirnova V.V., 2006. *Chudo kak zhanroobrazuyushchiy element srednevekovykh religioznykh zhanrov: Zhitie, primer, videnie: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Miracle as a Genre-Constituting Element of Medieval Religious Genres: Hagiography, Exemplum, and the Vision. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 22 p.
- Starodumov I.V., 2009. *Zhanrovaya spetsifika povestvovaniy o posmertnykh chudesakh svyatykh podvizhnikov v sostave drevnerusskoy agiografii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Genre Peculiarities of the Narratives on the Posthumous Miracles of Holy Ascetics Within Old Russian Hagiographies. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Omsk, 2009. 20 p.
- Tereshkina D.B., 2023. Chudesa v zhitiyakh novgorodskikh svyatykh: tipologiya i khudozhestvennoye svoebraziye [Miracles in the Lives of Novgorod Saints: Typology and Artistic Originality]. Tufanova O.A., ed. *Germenevtika drevnerusskoy literatury. Sbornik 22* [Hermeneutics of Old Russian Literature. Collection 22]. Moscow, IMLI RAN Publ., pp. 218-243. DOI: <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-218-243>
- Khomenko M.V., 2024. *Rasskaz o prizhiznennom chude v russkoy agiografii: zhanrovo-stilisticheskiy i kommunikativno-pragmaticheskiy aspekty: dis. ... kand. filol. nauk* [The Narrative of a Miracle Performed During a Saint's Lifetime in Russian Hagiography: Genre-and-Stylistic and Communicative-and-Pragmatic Aspects. Cand. philol. sci. diss.]. Omsk. 225 p.

DICTIONARIES

Chernykh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka. V 2 t. T. 2* [Historical and Etymological Dictionary of Modern Russian. In 2 Vols. Vol. 2]. Moscow, Rus. yaz. – Media Publ., Drofa Publ., 2009. 559 p.

Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 16th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1975– ; iss. 2, 1975. 319 p.; iss. 4, 1977. 403 p.; iss. 6, 1979. 359 p.; iss. 17, 1991. 295 p.

Trubachev O.N., ed. *Etimologicheskii slovar slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Fund]. Moscow, Nauka Publ., 1974– ; iss. 4, 1977. 235 p.; iss. 5, 1978. 232 p.

Information About the Authors

Evgeniya G. Dmitrieva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Volgograd, Russia, eg_dmitrieva@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5117-5677>

Irina A. Safonova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Volgograd, Russia, ia_safonova@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1103-7434>

Информация об авторах

Евгения Геннадьевна Дмитриева, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, eg_dmitrieva@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5117-5677>

Ирина Александровна Сафонова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, ia_safonova@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1103-7434>